

«ЗЕМНОЙ КЛЮЧ К ГРАДУ НЕБЕСНОМУ»: ЛИВОНСКАЯ ДАНЬ
В РУССКО-НЕМЕЦКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ XIII в.

На протяжении конца XII — начала XIII в. в Восточной Прибалтике (Ливонии) католические миссионеры, рыцари и торговцы из Северной Германии и Дании христианизировали и подчинили земли языческих племен ливов, леттов и эстов. В результате рядом с землями Северной Руси появились католические епископства, Орден меченосцев (с 1237 г. — в составе Немецкого ордена) и их ленники. Это соседство характеризовалось как мирным сосуществованием, так и взаимными военными походами ливонских владетелей и князей Новгорода, Пскова и Полоцка.

Долгое время в немецкой, российской и советской историографии взаимоотношения Руси с Ливонией оценивались в традиции «Drang nach Osten» [Nolte], как сопротивление Руси организованной крестоносной «агрессии», при этом «папство» и католическая церковь играли роль идейных вдохновителей и организаторов противостояния (см., например: [Пашуто; Шаскольский]). В последние несколько десятилетий исследовательский акцент несколько сместился: историки релятивировали парадигму перманентного цивилизационного и конфессионального противостояния, обратились к изучению конкретных «кейсов» — когда консенсус или конфликт определялись расстановкой сил в региональном масштабе (см.: [Матузова, Назарова; Selart; Zühlke, s. 165–167]). Следовательно, необходимо рассматривать русско-ливонские отношения в «долгом тринадцатом веке» (1187–1330)¹ как волны чередующихся конфликтов и союзов, смены стратегий в зависимости от взглядов и поведения конкретных политических «игроков» в Ливонии и вокруг нее.

В связи с этим нуждается в переосмыслении и вопрос о дани с язычников и неофитов, который стал «камнем преткновения» в отношениях русских княжеств (Полоцка, Новгорода и Пскова) с ливонской церковью и Орденом. В биографии епископа Альберта немецкая исследовательница Гизела Гнегель-Вайтшиес отмечала, что наложенная епископом на новообращенных язычников Ливонии церковная десятина «не только предполагала выплату дани Полоцку, но и демонстрировала в то же время желание основать новое княжество» [Gnegel-Waitschies, s. 69–70]. Взгляд на рижского епископа как на исключительно государственного деятеля, рассмотрение ливонской дани либо в государственно-юридическом ключе, либо в контексте «немецко-католической экспансии» характерны и для современной восточноевропейской историографии (см., например: [Назарова, 1996; Назарова, 2000 (статья любезно предоставлена автором); Матузова, Назарова])².

По нашему мнению, такой подход не в состоянии объяснить ряд событий из истории русско-ливонских отношений XIII в. Например, договор 1210 г., согласно которому епископ Альберт платил дань ливов полоцкому князю, часто трактуется в традиции двойного вассалитета. В. И. Матузова и Е. Л. Назарова считают, что «беря на себя выплату ливской дани, епископ Альберт формально признавал себя вассалом полоцкого князя и германского императора» [Матузова, Назарова, с. 163]. Однако единственный источник, который упоминает договор, — «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского — о вассальной присяге ничего не говорит³. Вассальные обязательства ливонских епископств по отношению к Священной

¹ «Долгий тринадцатый век» — определение периодизации средневековой Ливонии с 1187 по 1330 г., принятое в немецко-балтийской историографии XIX в. Также встречается в новейшей литературе [Selart, s. 12].

² О «государственно-правовом» понимании дани епископа говорит в обобщающей монографии по русско-ливонским отношениям Анти Селарт — не полемизируя с ним [Selart, s. 85].

³ Heinrichs Livländische Chronik / Hrsg. von L. Arbusow und Albert Bauer (далее — HCL). Hannover, 1955. S. 81.

Римской империи в указанный период носили декларативный характер [Hellmann; Mäesalu, s. 260]. Также необходимо учитывать, что в Римской империи Средних веков не было системы постоянных выплат вассалов в пользу императора [Mäesalu, s. 261]. Отсюда можно заключить, что для рижского епископа как носителя политической культуры империи обещание постоянных выплат не обязательно подразумевало вассальную зависимость. Тезис об «экспансии» трудно соотносится с тем, что представители Новгорода и Пскова вплоть до конца XIII в. собирали дань с области Толова⁴, несмотря на то, что политически она принадлежала Ордену и епископу⁵. Пояснений в этой связи требовали бы такие события, как поход новгородского князя Мстислава Мстиславича на эстов за данью в 1212 г. (еще во время «русско-ливонского союза»⁶), исполнение судебных обязанностей псковским князем Владимиром Мстиславичем в Идумее⁷ и др.

Таким образом, трактовка вопроса о ливонской дани в исключительно политических категориях зачастую сталкивается с трудностями в объяснении отношений между ливонскими епископствами, ливонскими язычниками, Полоцком, Новгородом и Псковом. Мы попытаемся предложить новую интерпретацию даннических отношений между светской (в данном случае — русскими князьями) и духовной (ливонскими епископами) властями, исходя из идейного контекста XII—XIII в. На это время приходится пик конфликтов между императорами и папами. Это в очередной раз заставило враждующие стороны обратиться к концепции «Града Божия» блаженного Августина, которая приобрела особую популярность в эпоху крестовых походов [Карсавин, с. 127—140]. Ниже будет показано, что источники с ливонской стороны оправдывают такую постановку вопроса. Мы дадим общую характеристику модели «двух Градов», а затем обратимся к конкретным проявлениям этой модели в Ливонии.

В конце XII в. (когда началась христианизация Ливонии) в латинском богословии прочно утвердилась экклесиология блаженного Августина. Согласно ей, человечество разделяется на два объединения — «Град Божий» и «град диавольский». В «Граде Божием» живут все праведные, в том числе и неопиты из язычников. Под «градом диавольским» (либо «градом земным») во времена Августина имелась в виду мирская власть римских императоров-язычников (которым при этом платилась дань и оказывалось гражданское повиновение⁸). Во времена Священной Римской империи уже императоры-христиане представляли земную власть («град земной») [Angenendt, s. 223—226, 303—311]. В отношении «Града Божия» применялись новозаветные аллегории «Тела Христова»⁹, «плодоносящей и нежной Матери»¹⁰ и т. п. После легализации своего положения римская церковь постепенно разрабатывает учение о церковных пожертвованиях и десятинах, которое на теоретическом уровне позволяло «Граду Божию» и «граду земному» бесконфликтно существовать на земле согласно принципу «кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22: 21)¹¹. Наряду с воспринятой еще у апостолов идеей подчинения светской власти (Рим 13: 1—7), в оправдание церковных даров приводили следующий отрывок из Послания апостола Павла римлянам: «Ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между

⁴ Как отмечает Фридрих фон Койслер, несмотря на «добровольное подчинение» немцам, жители Толовы продолжали платить дань русским [Keußler, s. 49].

⁵ Liv-, est-, und curländisches Urkundenbuch / Hrsg. von Dr. F. G. von Bunge (далее — LUB). Reval, 1853. Bd. 1. S. 75—76.

⁶ Ibid. S. 98. Anm. 4.

⁷ HCL. S. 112.

⁸ Рим 13: 7: «Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь».

⁹ 1 Кор 12: 15—27 (ст. 27: «и вы — Тело Христово, а порознь — члены»).

¹⁰ 1 Фесс 2: 7 («подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими»). Аллегорично матери активно использовал в своих проповедях Григорий Великий [Angenendt, s. 307].

¹¹ Также у Августина, где говорится о необходимости выполнения христианами всех общественных обязательств: Augustinus. De civitate Dei (далее — DCD). XIX: XVII, XIX. Здесь и далее цитаты приводятся по синодальному переводу Библии.

святыми в Иерусалиме. Ибо если язычники сделались участниками в их (иудеев, прообраза Церкви Нового Завета. — Ф. П.) духовном, то должны и им послужить в телесном» (Рим 15: 27). Одним из известных следствий такого идейного контекста являлись «лепта святого Петра» и «дань Иоанна» — традиционная дань, которую английский король издавна уплачивал Святому Престолу [Jensen].

Рассмотрим, как такая модель могла действовать в Ливонии. Монахи-августинцы — последователи устава и учения блаженного Августина¹² — играли важную роль в деле крещения племен Ливонии. Миссионер Мейнард был августинцем¹³, хронист Генрих Латвийский зафиксировал монахов-августинцев в ближайшем окружении епископа Альберта уже в самом начале его деятельности¹⁴. Таким образом, имелись реальные условия для трансляции идей «Града Божия» блаженного Августина на властные практики ливонской иерархии. Мы исходим из наблюдений российского исследователя Б. Н. Флори, показавшего отсутствие конфессиональных мотивов в русско-ливонских конфликтах первой трети XIII в. [Флоря, с. 114]. Этот вывод дает возможность последовательно рассмотреть те случаи, когда концепция «Града Божия» могла влиять на развитие взаимоотношений между светской властью русских князей и ливонской церковью.

Двое из первых трех ливонских епископов заручились поддержкой светской власти в деле крещения язычников. Миссионер Мейнард получил разрешение полоцкого князя на распространение Евангелия — подобная практика в деле миссии была обыкновенной для Балтийского региона¹⁵. Начиная с 1207 г. (переговоры с немецким королем Филиппом) епископ Альберт пытался сотрудничать с императором в деле помощи ливонской церкви¹⁶. Таким образом, и полоцкий князь-«схизматик», и римский император представляли для миссионеров христианскую светскую власть, с которой можно и нужно было сотрудничать для поддержания той «тихой и безмятежной жизни» неопитов в государстве, о которой рассуждал блаженный Августин¹⁷. Согласно идеальному христианскому порядку, высшие церковные иерархи играли роль посредников в споре светских владык [Vogt, s. 161]. Одним из примеров в Ливонии является посредничество епископа Альберта в споре рыцаря Даниила из Леневадена и князя Вячко (1208 г.)¹⁸.

В вопросе о дани посредническая роль епископа проявилась при заключении договора 1210 г. (условия договора известны из пересказа Генриха Латвийского): епископ берет на себя обязательство выплачивать дань ливских неопитов Полоцку¹⁹. Ливы уже платили церковную десятину непосредственно епископу²⁰. Следовательно, заключая договор, полоцкий князь ввел беспрецедентную для Руси практику: со времен установления князем Владимиром Святославичем церковной десятины последняя платилась церкви из княжеских доходов²¹. В нашем же случае рижский епископ выделял из церковных доходов некую фиксированную сумму для уплаты светскому владыке (полоцкому князю). Таким образом, ливы платили дань «двум господам». Можно предполагать, что именно епископ, для которого такая практика была обыденной, сам предложил систему выплаты «старой» дани новым для полоцкого князя способом.

¹² См: [Усков].

¹³ HCL. S. 2.

¹⁴ Ibid. S. 82 (Энгельберт фон Буксгевден, брат епископа).

¹⁵ Например, в деле крещения Померании [Selart, s. 75].

¹⁶ HCL. S. 47.

¹⁷ DCD. XXVI.

¹⁸ HCL. S. 56.

¹⁹ Ibid. S. 81.

²⁰ Ibid. S. 92–93.

²¹ Повесть временных лет / Подг. текста Д. С. Лихачева; Под ред. В. И. Адриановой-Перетц. СПб., 1996. С. 55. «Западные аналоги» русской церковной десятины рассматриваются в статье К. А. Костромина [Костромин].

Новшеством для русской стороны могла быть и выплата дани Толовы, известной в контексте изучения истоков знаменитой «юрьевской дани» [Юрьенс]. Латгалы Толовы платили дань Пскову, но приняли крещение от латинян²². В рассказе о выборе крещения Генрих дает библейскую смысловую отсылку: «И пал жребий на латинян, и сопричислены были (латгалы Имеры. — Ф. П.) с ливонцами рижской церкви»²³. Ср.: «И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати апостолам» (Деян. 1: 26)²⁴.

Представляется, что здесь не только стилистическое, но и смысловое заимствование. Выборы апостола Матфия²⁵ проходили в то время, когда христиане и иудеи еще не были в конфликте, а первые платили обыкновенные подати на Храм, в то же время собирая деньги на нужды собственной общины (Деян 4: 34). Соответственно, латгалы Толовы продолжали платить дань своим «старым» светским хозяевам, при этом имея нового духовного пастыря — рижского архиепископа. Ученик Альберта Генрих (по всей видимости, автор хроники) получил в Толове бенефиций — следовательно, его сведения о дани происходили из первых рук. Неизвестно, насколько регулярно платилась дань Толовы: в 1224 г. этот регион был поделен между епископом и братьями Ордена меченосцев²⁶. Последний раз псковские «данщики» в этом регионе фиксируются в русских летописях под 1284 г.²⁷ Значит, дань долгое время выплачивалась и после того, как немцы установили полный политический контроль над Толовой, несмотря на утрату русскими своего последнего форпоста (Юрьева) в 1224 г.²⁸ Это можно объяснить практическим применением идеи «двух Градов», когда дань платилась «старому» светскому хозяину и «новому» духовному владыке.

Действия в духе данной теории не исключали элементов, присущих политической жизни Руси и Византии. Так, князь Герцике Всеволод назвал рижского епископа «отцом» (*pater*) при заключении вассальной присяги²⁹. Отказываясь от ливской дани в 1212 г. в обмен на антилитовский союз, полоцкий князь Владимир называет рижского епископа «духовным отцом» (*pater spiritualis*)³⁰. Здесь мы опираемся на выводы Л. Арбузова, который показал, что отношения, выражаемые в терминах «отец», «сын», «отец духовный» были свойственны для политического ландшафта Византии, а также Руси [Arbusow, s. 146]³¹. То есть ритуал заключения даннических соглашений с русскими князьями не просто копировал «западные» образцы, но включал русские особенности. Называя епископа духовным отцом и принимая ленные обязательства, русские князья не обращали внимания на конфессиональные различия. Ярким примером является псковский князь Владимир Мстиславич — родственник Теодориха фон Буксгевдена, который был судьей в Идумее и собирал поборы с леттов³².

²² HCL. S. 55.

²³ «Et cecidit sors ad Latinos et annumerati sunt cum Lyvonensi ecclesia Rigensibus» (Ibid.).

²⁴ Аллюзия на главу 1 Деяний замечена издателями «Хроники Ливонии» — Л. Арбузовым и А. Бауэром. В Вульгате: «Et dederunt sortes eis, et cecidit sors super Matthiam, et annumeratus est cum undecim apostolis» (Act 1: 26).

²⁵ Не путать с апостолом и евангелистом Матфеем.

²⁶ HCL. S. 207; LUB. Bd. I. S. 75–76.

²⁷ Псковские летописи. М., 1941. Вып. 1. С. 14.

²⁸ И. Юрьенс полагал, что истоки «юрьевской дани» восходят к дани жителей Толовы [Юрьенс]. Очевидная традиционность «толовской дани» располагает к таким выводам.

²⁹ HCL. S. 71. Отметим, что в тексте присяги (как в «Хронике» Генриха, так и в опубликованном тексте договора 1209 г.) речь идет о передаче земель во владение не лично епископу, а всей ливонской церкви и св. Деве Марии: «urbem Gerzika hereditario iure sibi pertinentem, cum terra et universis bonis... ecclesiae beatae Dei genitricis et virginis Mariae legitima donatione contradidit» (LUB. Bd. I. S. 21). Как кажется, таким образом подчеркивается, что епископ Альберт действует не как типичный светский феодал, а как представитель духовной власти в целом.

³⁰ «Qorum audaciam veritus rex exercitum suum redire iussit et transiens ad episcopum et tamquam patrem spiritualem salutans veneratus est» (HCL. S. 104).

³¹ См. специальное исследование терминологии «отцовства» в русской политической культуре [Лавренченко].

³² HCL. S. 112–113.

В заключение отметим прямые смысловые отсылки к теории «двух Градов» в ливонских источниках. Не всегда можно четко отделить общехристианские образы от тех, которые акцентировались в средневековой латинской экклесиологии. По мнению А. Ангенендта, к таким отсылкам в католических проповедях можно отнести образы «заботливой Матери-Церкви» [Angenendt, s. 307]. Образы плодоносящей «матери» употребляет хронист Генрих Латвийский³³. В «Хронике» имеются метафоры о «создании из двух (земного и небесного. — Ф. П.) одного» и «подчинения земного небесному»³⁴. Наконец, общехристианский принцип «кесарево кесарю» прямо цитируется Генрихом в сюжете о договоре полоцкого князя Владимира и епископа Альберта (1212 г.) о ливской дани: «Но он не возражал против выплаты дани короля, следуя тому, что сказал Господь в своем Евангелии: “Отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу”»³⁵.

Описываемая нами модель политической культуры «двух Градов» оказалась недолговечной. В 1213 г. родственник Теодориха фон Буксгевдена князь Владимир Мстиславич вошел в конфликт с ливонскими властями и выехал из Ливонии³⁶. Представляется, что «двойная дань» епископу и полоцкому князю вынудила ливов просить уменьшения десятины в 1211 г.³⁷, затем дань Полоцку и вовсе перестала выплачиваться. С 1216 г. можно говорить о начале русско-немецкого противостояния в Ливонии³⁸. Последним «реликтом» сотрудничества светской и духовной властей являлась дань Толовы. Вероятнее всего, именно за ней приходили псковские данщики в 1284 г. (впоследствии они были убиты немцами) [Vonnell, s. 87]. В 1341 г. в Латгалии «на селе Опочне, на миру» было убито 5 псковских послов³⁹. Это и послужило толчком к началу серии конфликтов на ливонском пограничье [Мартынюк, 2016а; Мартынюк, 2016б]. «Память о ливонской дани» сохранялась и проявлялась как в приглашениях русских «прийти за добычей» со стороны эстонских племен⁴⁰, так и в организованных грабежах и требовании денег со стороны псковичей, на что жаловались епископ Дерпта Бернхард II (1285 г.)⁴¹ и рижский архиепископ Шарфенберг (1428 г.)⁴².

В итоге Ливония не стала исключением: как и в остальных европейских регионах, здесь не удалось реализовать христианскую модель взаимодействия светской и духовной властей («Град Божий»). Однако в нашем случае причины этому лежали в различии властных практик. Дань на Руси всегда платилась непосредственно светскому лицу, с которым отождествлялась власть. Восточно-христианская церковь никогда не осуществляла сбор дани, поэтому власть ассоциировалась только с князем. В Ливонии можно наблюдать попытку интеграции русских князей во властные практики «латинян», когда теория «двух Градов» позволяла духовным владыкам собирать дань для «Тела Христова» точно так же, как «лепту святого Петра» или «дань Иоанна» (Англия). Такая политика была особенно актуальной в первые десятилетия христианизации Ливонии — когда ни о какой «католической экспансии» на православие не

³³ Ibid. S. 201–202.

³⁴ «Sed pax non dabitur vobis, nisi pax illius veri pacifici, qui fecit utraque unum, coniungens et pacificans terrena celestibus» (HCL. S. 160–161).

³⁵ «Sed neque regi tributa sua dari prohibebat, secundum quod Dominus in ewangelio suo iterum ait: «Reddite, que sunt cesaris, cesari et, que sunt Dei, Deo» (HCL. S. 103).

³⁶ Однако сын Владимира Мстиславича, Ярослав Владимирович, продолжит сотрудничество с дерптским епископом — впрочем, также неудачно [Назарова, 2000].

³⁷ HCL. S. 92–93.

³⁸ По мнению издателей «Хроники» Генриха Латвийского (Ibid. Ann. 8. S. 98).

³⁹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 18.

⁴⁰ Например, в 1224 г. (HCL. S. 191), во время восстания эстов в 1343 г.: Die jüngere Livländische Reimchronik des Bartolomäus Hoeneke 1315–1348 / Von Dr. K. Höhlbaum. Leipzig, 1872. S. 27.

⁴¹ «Dörptsche Kirche, von den Heiden und Russen vielfach bedrängt» (LUB. Bd. I. S. 141). Возможно, эта жалоба как-то связана с псковскими данщиками, убитыми за год до этого.

⁴² «Они угрожают нападением нам и нашим подданным... и мы в нашем бессилии должны все это сносить, поскольку они, русские из Пскова, думают принудить нас таким образом к денежным выплатам» (цит. по: [Бессуднова, с. 42]).

могло быть и речи, а русский князь мог называть латинского епископа «духовным отцом». Следовательно, христианизация Ливонии не подразумевала обязательного конфликта с русскими князьями и существовали реальные условия для компромисса по вопросу о дани. Однако на практике реализовать идеальную модель оказалось нелегко, и даже родственные связи не удержали Владимира Мстиславича от попытки присвоения доходов, полагавшихся церкви⁴³.

В результате нерешенности проблемы вопрос о дани «пережил» период «двух Градов» (первые десятилетия XIII в.) и время конфессионального противостояния (30–40-е годы — конец XIII в.). Как кажется, «память о былой дани» проявлялась в «малых пограничных войнах» между Псковом, Новгородом и Дерптом в XIV–XV в. (см.: [Мартынюк, 2016а; Мартынюк, 2016б; Stern; Бессуднова]). Возможно, в устной традиции и следует искать истоки знаменитой «юрьевской дани»⁴⁴ (данный вопрос требует отдельного изучения).

Мы хотели подчеркнуть важность учета культурного контекста, в рамках которого решался вопрос о распределении дани крещеных племен между ливонской церковью и русскими князьями в XIII в. Идея «двух Градов» предполагала соответствие земного порядка распределения власти и дани установленному идеалу христианского учения о сожительстве «верных» в церкви. Здесь «кесарева дань» и «жертва Церкви» находятся во взаимной гармонии. Данная модель была актуальной в ранний период христианизации Ливонии, когда не было четкой установки на конфронтацию с русскими князьями. Следовательно, формула «кесарево кесарю, а Богу Божие», согласно которой правом на взимание дани с христиан в равной степени обладали как светская (русские князья), так и духовная власти (ливонские епископы), и является «земным ключом» к пониманию реалий «Града Небесного», идеал которого пытались осуществить в средневековой Ливонии.

Литература

- Бессуднова М. Б. Природа псковско-ливонских пограничных конфликтов в XV в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. М., 2011. № 26 (56). С. 40–47.
- Карсавин Л. П. Культура средних веков. Киев, 1995.
- Костромин К. А. Происхождение и функции древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. СПб.; Казань, 2014. С. 35–62.
- Лавренченко М. Л. «Отцовство» в древнейших русских летописях // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2016. Вып. 9. С. 52–67.
- Мартынюк А. В. Между Псковом, Витебском и Нейгаузенем: забытая война на ливонском пограничье в середине XIV века. Часть 1 // Ученые записки УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова». Витебск, 2016. Т. 21. С. 30–36. [Мартынюк, 2016а]
- Мартынюк А. В. Между Псковом, Витебском и Нейгаузенем: забытая война на ливонском пограничье в середине XIV века. Ч. 2 // Ученые записки УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова». Витебск, 2016. Т. 22. С. 33–38. [Мартынюк, 2016б]
- Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, переводы, комментарий. М., 2002.
- Назарова Е. Л. Латгальская дань в системе отношений между Новгородом и Псковом // Восточная Европа в древности и Средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1996. С. 107–110.
- Назарова Е. Л. Князь Ярослав Владимирович и его роль в ливонской политике Пскова: конец 20-х — начало 40-х гг. XIII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996–1999. Псков, 2000. С. 38–45.

⁴³ HCL. S. 113.

⁴⁴ «Юрьевская дань» — требование дани епископа Дерпта в пользу великого князя московского, которое было одним из пунктов русско-ливонских перемирий начиная с 1474 г. Происхождение дани неизвестно.

- Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Усков Н. Ф.* Августинцы-еремиты // ПЭ. М., 2000. Т.1. С. 115–117.
- Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира. XIII век. СПб., 2004.
- Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1987.
- Юрьенс И. И.* Вопрос о ливонской дани // Варшавские университетские известия. 1913. Вып. VI. С. 1–8; Вып. VII. С. 9–16; Вып. VIII. С. 17–32; Вып. IX. С. 33–57.
- Angenendt A.* Geschichte der Religiosität im Mittelalter. Darmstadt, 2009.
- Arbusow L.* Das entlehnte Sprachgut in Heinrichs „Chronicon Livoniae“. Ein Beitrag zur Sprache mittelalterlicher Chronistik // Deutsches Archiv für die Erforschung des Mittelalters. 1951. Bd. 8. S. 100–152.
- Bonnell E.* Russisch-liwländische Chronographie. St. Petersburg, 1862.
- Gnegel-Waitschies G.* Bischof Albert von Riga. Ein Bremer Domherr als Kirchenfürst im Osten (1199–1229). Hamburg, 1958.
- Hellmann M.* Livland und das Reich. Das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen. München, 1989.
- Jensen D.* Englische Peterspfennug. Heidelberg, 1903.
- Keußler F. von.* Der Ausgang der ersten russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII. Jahrhundert in der Beleuchtung des Herrn A. Ssapunow. St. Petersburg, 1898.
- Mäesalu M.* Die Steuerforderungen des Heiligen Römischen Reiches an die Kirchenprovinz Riga im 15. Jahrhundert // Livland – eine Region am Ende der Welt? Forschungen zum Verhältnis zwischen Zentrum und Peripherie im späten Mittelalter. Köln; Weimar; Wien, 2017. S. 259–282.
- Nolte H.-H.* „Drang nach Osten“. Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion. Köln – Frankfurt/Main, 1976.
- Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2007.
- Stern K.* Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert // Baltische Monatshefte. Riga, 1937. S. 69–79.
- Vogt N.* Grund und Aufriß des christlich-germanischen Kirchen- und Staatsgebäudes im Mittelalter. Bonn, 1836.
- Zühlke, R.* Zerschlagung, Verlagerung und Neuschaffung zentraler Orte im Zuge der Eroberung Livlands // Leonid Arbusow (1882–1951) und die Erforschung des mittelalterlichen Livland. Köln; Weimar; Wien, 2014. S.165–185.